

Юлий Карасик:

РЕДУТЫ КОНСЕРВАТОРОВ КРЕПКИ И СЕГОДНЯ

— **СЦЕНАРИЙ**, который предварительно, условно называется «Ленин. Последние дни», пишет Егор Яковлев. Слишком рано что-либо говорить о будущем фильме. И все же кое-что определено уже сегодня. Мы не хотим, не намерены сосредоточиваться только на отображении историко-биографических фактов, сколь бы драматичными они ни были. Все равно не угнаться за журналистикой, публицистикой, публикациями архивных документов. Ко времени выхода картины новые факты и цифры будут знать миллионы людей. Нам представляется более важным попытаться понять, что произошло на рубеже 20—30-х годов, почему революция свернула с предначертанного Лениным пути, как все это стало возможным, было ли неизбежным, где причины этой трагедии. Все это мы хотим осмыслить вместе со зрителем. И не ради исторических истин как таковых, ради более ясного, трезвого понимания сегодняшней политической и духовной ситуации, в которой слышится отчетливая переключка с тем временем, когда гениальный вождь революции на исходе дней своих трагически осознал, сколь мощная и опасная сила противодействия строит редуты на пути страны к подлинному социализму. Эти редуты, думаю, крепки и сегодня.

— **Разве гласность, явная демократизация, экономические реформы — недостаточные гарантии необратимости перестройки?**

— Предпосылки, но не гарантии. Не надо паниковать и впадать в истерику, но необходимо смотреть на вещи трезво и реалистично: мы еще не располагаем ни опытом, ни политическим механизмом, который безотказно срабатывал бы при любых попытках атаковать прогрессивные процессы. Вот только два примера. Ставшая притчей во языцех статья «Не могу поступаться принципами» привела в уныние поборников перестройки. А ее противники восприняли духом, словно услышали сигнал к глобальной атаке. И это глубоко знаменательно. Казалось бы, сам по себе факт появления антиперестроечной статьи естествен: гласность так гласность. И даже хорошо, что они имели возможность так полно высказаться. Обнаружились духовное и политическое убожество, корыстно-групповой их эгоизм. Но почему та или иная разветвленная статья, написанная к тому же в печально знакомом безапелляционном тоне, воспринимается как политическая директива? Да рабская наша привычка к послушанию! И пока не выдадим из себя рабов, главная опасность для перестройки, главный фактор торможения так и будет гнездиться и срабатывать в нас самих.

Но не менее опасны, так сказать, и внешние факторы. Посмотрите, что произошло незадолго до принятия Закона о коопера-

ции в сфере развития кооперативного движения, одного из важнейших условий экономического оздоровления общества. Где-то в тиши кабинета в худших традициях волюнтаризма был принят документ, рубящий под корень саму идею развития кооперации. И на кооператоров обрушился прогрессивный напор, второе превышающий тот, что шестьдесят лет назад был введен для удручения нэпа. Кому не ясно, что это решение могло бы отвратить от кооперативов тысячи честных людей, готовых трудиться от зари до зари. Представляю себе радость чиновных обывателей, которые просто сон потеряли от сознания, что какой-то там член строительного кооператива в Сибири зарабатывает больше, чем они. Но более всего поражает, как легко, бесцеремонно и просто принимаются подобные решения, имеющие огромное значение в жизни страны. Пока это возможно, пока бюрократы способны действовать столь оперативно и безнаказанно, остаются самые серьезные опасения.

— **И все же механизмы контроля начинают заявлять о себе. Вспомните, как активно, требовательно обсуждали на последней сессии депутаты спорные моменты предложенного Закона о кооперации. И ведь серьезные поправки были внесены.**

— Сам по себе бюрократ паинькой не станет. Весь опыт советского общества говорит о том, что любые права и законы ничего не стоят, если нет четкого, безотказного механизма защиты этих прав и законов. У нас свобода слова или собраний всегда была зафиксирована в законе, но кто следил за соблюдением этих прав, кто был реальным их гарантом?

А презумпция невиновности, основа основ юриспруденции, справедливейший и гуманный принцип. Да с нашим-то горчайшим опытом в самый бы раз утвердить наиболее строгую в мире презумпцию невиновности, чтобы вся тяжесть доказательств легла на плечи следствия. Пора, наконец, добиться и того, чтобы подозреваемый, арестованный следственными органами, вплоть до вынесения приговора содержался в нормальных человеческих условиях, а не как осужденный. Ибо, пока не прозвучал приговор, он пользуется всеми правами.

А все это к тому, что необходима законодательная и правовая реформа. Надо, наконец, отрегулировать систему жесткого и эффективно-го контроля за соблюдением законов с помощью прокуратуры, суда, советских органов, общественности.

— **Будем надеяться, что после XIX партконференции и здесь будут сдвиги к лучшему.**

— Я, конечно, тоже связываю с предстоя-

В 1968 году зрители увидели фильм Михаила Шатрова и Юлия Карасика «Шестое июля». Образ Владимира Ильича, созданный Ю. Каюровым, сама стилистика картины — жесткая, суровая, строгая — все это оказалось внутренне полемичным по отношению к традициям и штампам прошлых лет. Фильм не устраивал тех, кто присвоил себе монопольное право воспринимать историю и ленинский образ в той трактовке, которая внедрялась и культивировалась «Кратким курсом...», а потом и преданными душеприказчиками его автора. Только через двадцать лет фильм «Шестое июля» вновь стал доступен широкому зрителю. Режиссер фильма — народный артист РСФСР Юлий Карасик готовится к новой работе о Ленине, о революции.

щей конференцией большие надежды. Что касается выборов, то они, на мой взгляд, в любом случае, особенно если говорить о будущем, должны на деле обеспечивать состязательность, множественность вариантов, максимальную осведомленность избирателей о кандидатах. Увы, механизм, обеспечивающий соблюдение этих неперемных условий, пока не выработан.

Весь же прошлый наш опыт, как это ни печально, только подтверждает, что активности и политической компетентности не хватает и самим избирателям. Не надо обольщаться, читая итоги социологических опросов: за перестройку, скажем, 95 процентов опрошенных. Значительная часть из них, увы, весьма приблизительно представляет, о чем речь, не проецирует предстоящие перемены на самих себя и вполне привержена стереотипам старого мышления. Таких миллионы. И я сегодня с тревогой думаю о том, что перестраивающийся кинематограф в перспективе своей не учитывает первостепенную необходимость адресоваться к этим миллионам, достучаться до их разума, сознания, до их сердец.

— **Что вы имеете в виду?**

— Общественно-просветительскую функцию кинематографа. Обратите внимание: в результате внедрения новой модели на студиях,

в том числе на нашем «Мосфильме», возникли объединения с самой разнообразной идейно-тематической и жанровой «специализацией». Но просто поразительно, что нигде не нашлось места объединению политического фильма, такому творческому сообществу кинемастов, которое сегодня работало бы целеустремленно на главном направлении. Не в таком ли объединении должны создаваться фильмы, подобные тем, что в период застоя были сняты по сценариям Гельмана, Дворецкого, Черных, Бокарева, — уже тогда с определенностью они ставили вопросы о недопустимости прямого вмешательства партийных органов в производство, планирование, о приоритете человеческого фактора, о пьянстве как социальном бедствии.

Не в этом ли объединении должны возникать такие фильмы, как «Покаяние» — картина, которая вдохновила тогда еще робких сторонников перестройки, а противников ее заставила понять, что перестройка — это всерьез и надолго. Не в таком ли объединении должны быть ныне сосредоточены главные силы кино?

Я горячий сторонник перемен, которые произошли в Союзе кинематографистов после его V съезда; но меня не может не огорчать (и я об этом неоднократно заявлял публично), что в дальнейшей деятельности союза по перестройке главным и определяющим стала не задача способствовать созданию высокохудожественных фильмов, духовно и политически обновляющих общество, а вопросы хозрасчета и самоокупаемости, которые в сегодняшней критической ситуации должны быть, по моему глубочайшему убеждению, второстепенными. Да, наш зритель устал и физически, и духовно: он не без труда смотрит серьезные, сложные фильмы, даже высокохудожественные. Тем более важно создавать и всеми средствами «доводить» до зрителя нередко сложные общественно-политические картины. Задача очень трудная. Тем больше усилий должно быть сосредоточено на ее решении. Но она окажется невыполнимой, если уже в начале такой работы на первый план выйдут соображения самоокупаемости. Именно из-за них я в течение двух лет не могу приступить к работе над фильмом о Втором съезде РСДРП, о рождении большевизма, о проблемах централизации и демократизации партии — вопрос, который и сегодня в центре нашей политической жизни. Сценарий, в свое время утвержденный всеми инстанциями, давно был бы снят, если бы не хозрасчетные соображения. Мне говорят: «А соберет ли фильм зрителей, окупится ли?» Как будто это кто-то знает наперед! Кстати, когда запускался фильм «Шестое июля», тоже говорили: «Кто это будет смотреть?» А посмотрели более 50 миллионов.

— **Но политических картин уже немало в документальном кино. А художественное по природе своей воздействует не так эффективно, прямо и быстро, как всем нам, наверное, хотелось бы.**

— Документалисты оперативнее, верно. Им проще. Но такая простота коварна. Наряду с несколькими серьезными работами появились документальные «скороделки» на политические темы. Сенсационность или увлекательность архивного киноматериала кажется авторам самодостаточной. А необходимо осмысление прошлого и сегодняшних процессов жизни общества.

Считаю и отсутствие объединений политического фильма результатом некоторой поспешности, с которой разрабатывалась и внедряется новая модель кинематографа.

Кстати, если говорить о новой модели, здесь произошла довольно странная история. В центре дискуссий стоял вопрос об отделении творчества от производства, киностудий от кинофабрик. Кому не ясно, что у них разные задачи?! И установление между ними отношений сотрудничества и строгого хозрасчета и есть наиболее благоприятный путь к главному — к росту художественного уровня фильмов. И вдруг неизвестно почему возникла и тотчас была внедрена иная оригинальная модель, полностью сохраняющая единство киностудии и кинофабрики, но отделившая от этого «целого»... режиссеров. Видимо, такая «мелочь», как режиссура, не имеет существенного значения в нашем крупном деле!.. И вот наглядный результат. На недавних выборах в совет трудового коллектива «Мосфильма», то есть в высший орган коллегиального управления, не был избран ни один, подчеркиваю, ни один режиссер. Это не менее анекдотично, как если бы в совет трудового коллектива больницы не выбрали ни одного врача. Еще одно убедительное свидетельство непродуманности организационной структуры студии. Такая очень удобная для производства и малопригодная для творчества «модель» должна быть изменена, и как можно скорее.

Завершая наш разговор, хотел бы еще раз вернуться к наиболее волнующей всех нас теме — необратимости перестройки. При всем старании, при всей изощренности консервативных сил они не могут не понимать, что против них не только большинство нашего народа, не только лучшие представители партии, интеллигенции, трудящихся страны, но и все демократическое человечество, судьбы которого тесно связаны с судьбой советской перестройки, охватившей и сферу внешней политики. Визу в этом серьезный повод для оптимизма.

Беседу вел
Г. СИМАНОВИЧ.